

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

НО ЕСЛИ Б Я В НЕДЕЛЮ РАЗ
МОГЛА НА ХАЗЕ МАЦАТЬ ВАС...

Вех. Клуб. — 2007. — 1 июня. — с. 7

Данил КОРЕЦКИЙ:

ЕСЛИ ЗАКОН НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ДОСТИЧЬ РЕЗУЛЬТАТА, МОЙ ГЕРОЙ НАРУШАЕТ ЗАКОН

В творческом порыве регистраторши загса, пытавшейся примирить «Данилу» с «Даниилом», родилось имя «Данил». Теперь оно кажется удачным литературным псевдонимом: сразу цепляет глаз.

Данил Корецкий вообще выбивается из шеренги авторов криминальных романов. Начал в те годы, когда еще было принято работать с текстом, — и работает до сих пор. Не участвует в «крысиных гонках» за тиражами, но как-то выходит, что тиражи сами его догоняют: вот, разменял тринадцатый миллион. И самая большая редкость по нынешним временам: хорошо знает то, о чем пишет.

— Например, про балет я ничего не знаю. Могу описать какой-то танец: «Встав на цыпочки, она...» Но это неправильно, потому что «цыпочки» называются пуанты и так далее. Меня смущает то, что я не знаю сотен деталей — и я об этом не пишу. А многих не смущает, и они берутся за криминальный роман, не зная терминологию, порядок раскрытия преступления, взаимоотношения в преступной среде... Пишут всякую ерунду!

— А «Корецкий закатывает скандал».

— «Знаменитый писатель закатил скандал», — да, был про меня материал с таким названием. Но я не скандала хочу, а реализма. Вот я вчера просматривал фильм по моему «Антикиллеру» — съемки только что закончились. Там в машину к бандиту садится бывший работник уголовного розыска, который несколько лет провел в местах лишения свободы. Они курят одну папироску. Один говорит: «Я из зоны», другой: «И я из зоны». И представляются: «Кент» — «Мент». Бандит не сразу понимает: «Как мент?» — «Так я на «красной» зоне был, на ментовской». Он доезжает бывшего розыска и прощается: «Что ж, зона есть зона».

Я говорю Юсупу Бахшиеву, который там играл (он же продюсер фильма): зек никогда так не скажет, потому что это запахло! Зона — их дом, а ментовскую зону они считают вообще отвратительным делом.

— И что продюсер?

— Согласился. В окончательном варианте будет: «травка и есть травка».

— Подробнее о фильме.

— Это кинофильм за четыре с половиной миллиона долларов с Ульяновым, Шакуровым, Боргником, Куценко, Балусевым. Звездный состав, уникальные трюки. Посмотрим, как зритель воспримет.

— Вы участвовали в съемках?

— Приезжал в Кронштадт, давал кое-какие рекомендации.

— Данил Аркадьевич, а вы сами работали в уголовном розыске?

— Нет, я начинал следователем прокуратуры.

— А как же вы в милиции оказались?

— Пришел на преподавательскую работу ровно двадцать один год назад. Преподаю криминологию в Ростовском юридическом институте МВД.

— Следователь прокуратуры — это тихий человек, который и пистолета не носит. То есть в вашей жизни не было схваток, перестрелок, погонь по крышам — всего, что есть в романах?

— Следователь — это мозг. А оперативные сотрудники, наружная служба — ноги и руки. В «Задержании» у меня описано, что значит управленческое решение. Как задерживать — проводить специальную операцию, и убиц возьмут живыми — или задерживать обычным составом, тогда будет перестрелка и их, скорей всего убьют? Руководитель этой операции заинтересован в том, чтобы их убить... Вот цена решения. А бегать по крыше могут многие.

— У вас в романе «Антикиллер» есть цитаты из «Евгения Онегина», переведенного на феню...

— Это сделал ростовский журналист Саша Сидоров. Есть понятие: «Преступная субкультура». Она включает иерархию, законы, систему знаковых выражений и так далее. Перевод «Онегина» на блатной язык подтверждает, что есть такой язык, что это не просто набор терминов. Другое дело, что на этом языке невозможно рассказывать о возвышенном. Там Онегин превращается в идейного шпанюка, Татьяна — в ворвону.

Но если б я в неделю раз
Могла на хазе мацать вас,
То как последняя транда
Не расколосась бы тогда.

Я считаю, что это любопытный опыт, хотя он вызвал страшное возмущение поэтов и писателей.

— Чем вы объясните то, что у вас в Ростове много серийных убийц?

— Серийные убийцы есть везде. Когда искали Чикатило, ему приписывали убийства, которые совершали другие — тот же Фишер-Головкин. Просто у нас это направление изучается, есть специальная лаборатория, психологический реабилитационный центр. Его глава участвовал в первом допросе Чикатило и склонил того к даче признательных показаний. Об этом много писали, и у Ростова появилась такая репутация. Да и с прежних лет она тянется. В двадцатье годы — Ростов-папа и Одесса-мама как родители криминала. В шестидесятые — знаменитые «фантомасы»...

— Братья Толстопятовы.

— Да, старший Владимир, младший Вячеслав, а всего четверо основных участников. Один был убит при задержании, трое расстреляны. Тогда вопросы решались радикально.

— И пятого придумали вы. В книге, которая называется...

— «Антикиллер-2». На самом деле их было семеро, но остальные — новички. В решающий момент один не смог угнать машину и сорвал операцию, другой бросил пистолет и ушел. Их осудили все равно.

— Говорили, будто бы Толстопятовы — гениальные конструкторы: изобрели совершенно новые автоматы.

— Нет, их автоматы были сделаны по известным схемам и имели конструктивные недостатки. Когда их задерживали, сержант милиции Русов с пистолетом Макарова убил Самасюка, ранил Горшкова, а у двух автоматов давали осечки. Кстати, это хорошо характеризует то время. Кто бы сейчас затратил год и семь месяцев на изготовление автоматов, револьверов и гранат? Да иди, покупай и мочи.

«Фантомасы» не были гениями, просто их поступки привлекали внимание. Напали на женщину-кассира, отняли сумку с деньгами, посмотрели: по ведомости две тысячи четыреста рублей, а в сумке на сто двадцать рублей больше. Они решили, что это деньги кассира. В сумке был ее паспорт. По штампу прописки нашли ее дом и бросили в почтовый ящик паспорт со ста двадцатью рублями. Показали: мы, мол, с гражданами не воюем, а только государство грабим. По городу слухи пошлись.

— И к ним стали относиться, как к Робин Гудам?

— Нет. Была волна возмущения. Сейчас народ запуганный. Ограбление: «Ложись! Всех убью!» — и ложится. А тогда они с автоматами ограбили магазин, и за ними погнался герой войны, пенсионер: «Ах вы, сволочи, вы с ума сошли, где советская власть!?!». Они его расстреляли. Всего «фантомасы» убили трех человек и одного ранили. По нынешним меркам это детский сад.

На одной акции они ждали инкассатора. Выпили, чтоб нескучно было, Самасюк переключил автомат и ударил об пол. Автомат выстрелил и пробил ему шляпу и крышу машины. Они решили, что в этот раз ничего не получится, и уехали. Серьезные люди будут так делать? А молва донесла, что их не расстреляли, а посадили в конструкторское бюро автоматов проектировать. Хотя я разговаривал с человеком, который видел их трупы.

— А как вы относитесь к мораторию на смертную казнь?

— Кто-то из классиков сказал: «Пусть сначала отменят смертную казнь господу убийце». В пятидесятые годы было девять тысяч убийств во всем Союзе, а сейчас — тридцать одна тысяча. Может при таком раскладе государство отказываться от эффективной защиты?

— Но многие считают иначе.

— Беда в том, что в комиссии по помилованию заседают люди, которые о зле не знают ничего.

— Как же не знают! Анатолий Приставкин, председатель комиссии, жил в детстве для детей изменников Родины. По материалам комиссии он двухтомник написал и утверждает, что в тюрьмах сидят «бытовки». За украденного поросенка, за то, что влез в чужой погреб. Вот это его потрясает: берет деревенского пьяницу и превращает его на зоне в законченного уголовника.

— Он совершенно прав, и пусть бы он менял местами деревенских пьяниц из зоны и госчиновников, расхищающих казну. Но вместо этого он начинает жалеть убийц: «Убийцы — это самые несчастные люди»... Каждый определяет свою нравственную позицию. Ему нравится жалеть убийц, а я жалею потерпевших, их родных и близких. Бытовые убийства? Да, таких большинство. Ранее

судимый дегенерат в очередной раз напился, зарезал двух взрослых и двух детей. Бедный убийца! Или Приставкин говорит, что среди осужденных нет профессиональных преступников. Откуда он это знает? Они же маскируются под «бытовиков»! Вот киллер, направленный главарем преступной организации убить человека. Он убил его и жену, которая не вовремя вошла. Когда его задержат, он, скорей всего, скажет, что спал с этой женщиной и убил обоих на почве ревности. «Бытовуха». Кстати, возможность применения расстрела делала преступников откровеннее! Но дело не в Приставкине — он инструмент уголовной политики государства. Изменится политика — изменится и состав комиссии, и вновь из полтора сотен приговоренных к СК будут миловать 5-6.

— Итак, вы за репрессии.

— Нет. За ответные репрессии. Если их не будет, то волна криминального насилия подавит всякое государство. Министр внутренних дел Ерин, вручая мне литературную премию за роман «Привести в исполнение», сказал: у вас, мол, герой действует незаконными методами, а надо — только законными. А мои герои действуют методами, которые дают результат. Если закон не позволяет достичь результата, они нарушают закон. Это, конечно, неправильно. Но... верно!

— Вы и студентов этому учит?

— Студентов я учу, как должно быть. Но говорю: «Ребята, вас будут принуждать делать то, что нужно начальству. Но вы должны знать, как должно быть на самом деле. И выбирайте. Потому что завтра, если начнется спрос, — с вас спросят». Но дело в том, что спрос сейчас уже никто и не боится. Забыли те времена, когда спрос учинился.

— А вы о них жалеете?

— Я те времена не идеализирую. Вот стал покупать квартиру, смотреть, выбирать, и попал в обкомовские дома с комнатой для прислуги, с раздельным санузлом, с просторными коридорами... Власть строила для себя одно, а для народа другое. Это оценка их идеологии, их морали. Но в тех временах был контроль, порядок. Я голосовал за роспуск СССР, был против того, что КГБ борется с чуждой идеологией, не дает свободы религии. А теперь вижу, что ошибался — все делали правильно. Теперь сломали оголтелую идеологическую машину, а что дали взамен? Мораль проституток и бандитов проникла во все сферы. Свобода республик вылилась в кровь, войны, нищету. Под флагом свободы вероисповедания появились сатанисты, ваххабиты и прочая нечисть.

— Пришел Горбачев, и все пошло прахом?

— Ну почему? Я хорошо отношусь к реформаторам — и к Хрущеву, и к Горбачеву. Что Горбачев сделал плохого? Он дал свободу, раскрепостил всех. Сократил вооружения? Так и надо. Большая армия небоеспособна, и Чечня это показала. В свое время мы справились с бандитами в Белоруссии, на Украине и в Прибалтике. В Латвии судят бывшего партизана Василия Кононова за то, что в войну он расстрелял «мирное» население хутора. Но они выдали партизан фашистам! Он действовал по законам войны и сейчас Россия выступает в его защиту! Почему не использовать известные рецепты в сегодняшней боевой кухне? Я в одной статье написал: если возле чеченского села Рохни Чу раз за разом материализуются бандиты, расстреливая подразделения армии и милиции, то спросите у Василия Кононова, что надо делать. Его методы очень эффективны, хотя и нелегальны.

— Во времена Андропова приказали носить форму всем военным и служащим МВД, которые обычно ходили в штатском: врачам, сотрудникам НИИ, канцелярским работникам. Чисто зрительно милиции стало больше. Не знаю, остановило ли это како-

го-то преступника, но у меня тогда было чувство спокойствия.

— Я против такого. Это показуха, очковгирательство — вечная совковая болезнь. Канцелярист или доцент в милицейской форме способны только сами стать жертвами и тем самым подорвать авторитет милиции. И вообще — отпугивать преступников менее эффективно, чем охотиться на них. Лет 15 назад я разработал программу скрытого патрулирования по американской методике: крепкие милиционеры в штатском ходят по улицам, ездят в машинах такси, «скорой помощи» и хватают пьяниц, наркоманов, хулиганов, грабителей... Создается эффект «милиция повсюду», это деморализует правонарушителей. Все говорили, что это здорово. На этом все и кончилось. Последний экземпляр программы канул в какой-то солидной правоохранной структуре. Так что, кто хочет бороться с преступностью, тот борется, а кто не хочет, придумывает ерунду — в форме ходить. Бандита формой не испугаешь. А оружия-то на постоянное ношение не дано.

— А надо?

— Должен быть баланс: если преступник может получать доступ к оружию, то все сотрудники сил безопасности должны иметь оружие. И законопослушные граждане с безупречной правовой репутацией — тоже. Я много лет говорю о необходимости контркриминального использования законно хранимого оружия. Всю жизнь разрабатываю новую науку — криминальную армологию: учение об оружии. Разрабатывал и альтернативный законопроект о правовом режиме оружия.

— Насколько мне известно, сын пошел по вашим стопам?

— Да, он капитан милиции, кандидат юридических наук, преподает у нас в институте.

— Наверное, ему нелегко в тени знаменитого отца?

— Он по этому поводу не комплексует. Это самостоятельная и самодостаточная личность. У меня были наработки для двух кандидатских диссертаций, и я отдал их своим аспирантам, а не сыну. Он сам избрал себе другую специальность — гражданское право. Правда, в милицейский вуз пришел работать под моим давлением. Когда он закончил юрфак — с военной кафедрой, естественно, — Ельцин распорядился таких, как он, забирать в армию рядовыми солдатами, чтобы они год отслужили, а потом им присвоить офицерское звание. Тут я и настоял, чтобы он поступил в систему МВД. Вызывают в военкомат, а он уже в форме лейтенанта внутренней службы... А вообще-то тени знаменитого папы — это хорошо. У меня такой не было. А внука он назвал в мою честь, только не Данилом, а Даниилом. Специально спрашивал: можно с двумя «и»?

— Вот так и живет полковник Корецкий. Преполагает криминологию, записывает мультики для внука...

— Нет, кассеты покупаю.

— ...Покупают кассеты и не торопясь пишет по роману в год. А тиражи у него миллионные, и каждая проданная книжка приносит проценты. Я знаю авторов, которые на этом свихнулись: гонят каждый месяц по роману, даже по два. Попал в колесо — перебирай лапками. Вы сознательно не участвуете в этой гонке?

— Гоняться сразу на двух дорожках невозможно. Я доктор наук, профессор, у меня шесть учеников — кандидаты наук, четверо работают над диссертациями, тысячи, которых я подготовил просто в юристы. У меня больше ста научных трудов, я занимаюсь двумя делами. Другого писателя — действующего полковника милиции просто нет. Так что с кем гоняться?

Встречался
Евгений НЕКРАСОВ

Книгу Данила Корецкого вы можете выиграть прямо сейчас. Стр. 15